

Общество трезвости

В этом номере мы открываем рубрику «Дискуссия», в которой предоставляем нашим читателям возможность поделиться своими размышлениями, сомнениями по любым волнующим их темам. Мнения, высказываемые в этой рубрике, могут оказаться спорными. Мы надеемся, что поднятые вопросы не станут риторическими, а получат ответы в ваших письмах, дорогие читатели. Таким образом, может родиться плодотворная дискуссия, и тогда рубрика оправдает свое название.

Любезные мои братья и сестры во Христе!

Прежде чем я приступлю к столь рискованному мероприятию, как изложение своих воззрений на окружающий мир в данном уважаемом издании, мне хотелось бы заранее извиниться. Увы, недостаток знаний и врожденный волонтаризм не позволяют мне быть конструктивным в необходимой для каждого современного православного христианина мере. Но поскольку и бездействие не украшает, я все-таки решусь поделиться своими убогими футурологическими прогнозами, основанными на моем столь же не блистательном миссионерском опыте.

Итак, шесть лет назад параллельно с процессом собственного воцерковления я с присущей каждому неопиту горячностью ринулся нести слово Божие в мир. Вышеупомянутый мною патологический недостаток знаний не только не мешал мне, но даже в какой-то степени и помогал. Делиться душевным теплом всегда веселей, чем знаниями. И может быть, хотелось бы очень надеяться на это, вернется то время, когда я, получив необходимый запас книжной мудрости, смогу наконец вернуться в блаженное состояние абсолютного внутреннего согласия, свойственное каждому неопиту, и опять поведу десятки людей в храмы.

Как это было славно! Я ловил людей за столами в редакционных комнатах издательских холдингов, залах перезаписи киностудий, у стоек баров в ночных клубах, да

и, бывало, просто в пивных. Каждая личность была для меня, по определению, уникальна, и я, соответственно, находил уникальный подход к ней. Одного погружал в собственные, порой надуманные, рефлексии, чтобы потом избавиться от них вместе. Другого ублажал глобальной осведомленностью в сферах мистического, о чем, естественно, имел весьма поверхностное представление.

¹ Иван Охлобыстин родился в 1966 году. Закончил режиссерское отделение института кинематографии (ВГИК). Режиссер-постановщик художественных фильмов, сценарист, драматург (23 приза, из которых 14 международных), телеведущий, публицист, секретарь-референт по связям с общественностью руководителя Всецерковного Православного молодежного движения архиепископа Костромского и Галичского Александра, консультант ОБСЕ по вопросам религии. Женат. Имеет троих дочерей: Анфиса, Евдокия, Варвара. Более пяти лет служит алтарником в храме Софии Премудрости Божией на Софийской набережной.

Третьего пленял определенностью и простотой мировоззрения, приперчивая оное волевым нежеланием разбираться в нюансах насущной жизни и, соответственно, решая таким образом все бытовые проблемы.

Я считал своей основной задачей заинтересовать человека, привести его в храм и передать в руки опытному батюшке. Так оно и было. Я приводил человека, потом около двух недель находился с ним рядом и, когда убеждался, что он уже не стесняется исповедоваться и целовать руку священнику на людях, шел за другим.

Но вот незадача, добрая половина из тех, которых я привел, через какое-то время переставали посещать храм и продолжали числиться христианами только номинально. Часть из них «сломалась» на вопросе контрацепции, часть не приняла установки на послушание, но большинство сослалось на банальную занятость. И ведь батюшки были хорошие и на любой вкус! Тут тебе и сельские доброхоты, осведомленные в вопросах мелиорации, и полковые капелланы, исключаящие из русского языка наречие «тяжело», и ученые проповедники, умело сочетающие прагматику «волновой теории ДНК» с небесной мелодией Апокалипсиса. Были все или практически все. Но люди уходили.

И мне пришлось задуматься. Вскоре я пришел к следующему банальному умозаключению: мир изменился, а методики миссионерской деятельности нет. Как было раньше (идеал): человек посадил морковь, подоил корову, поцеловал жену, уснул, а наутро в воскресенье пошел в церковь. И так каждую неделю. Как было потом (идеал): человек пошел на завод, пришел с завода, поцеловал жену, а на утро в воскресенье пошел в церковь. И так каждые полгода. Что сейчас (реальность): человек проснулся в пять вечера, пошел на работу, пришел с работы в семь утра, поцеловал спящую жену, а на Пасху пошел в церковь. При таком графике занятости потенциальной паствы даже Иоанн Златоуст был бы бессилён.

Конечно, я утрирую, и, конечно, речь идет, в основном, о моей аудитории представителей информационно-управленческой сферы деятельности (журналисты, программисты, финансисты, управленцы). Но именно эта сфера деятельности и определяет сейчас жизнь цивилизованного общества. И дальше будет определять. Вплоть до Страшного Суда. Конечно, можно не обращать на эту категорию граждан внимания, но в таком случае Церковь обречена превратиться в замкнутое и очень немногочисленное сообщество маргиналов.

Мне могут возразить: «Много званных, но мало избранных». Вне всяких сомнений, это так и есть, но все равно больно жалко родную журналистскую братию. Они ведь тоже любят, страдают. У них есть дети, родители. В конце концов, многие из них верят в Бога. Так или этак, но верят. А систематизировать их веру некому. Мало того, они еще и не пустят случайного человека к себе. Их можно понять, ведь этот человек не спал рядом на редакционных диванах во время авральной ночной верстки газеты, не портил зрение у монитора компьютера, не сидел шевелюрой во время очередного финансового кризиса. Что он знает об их печалях и радостях, по их мнению?

И вот, наконец, к чему я пришел: нынешнему времени просто необходим особый класс миссионеров священ-

нослужителей, совмещающих свое храмовое служение со светской, а главное официально штатной работой. Священник — практикующий программист, священник — практикующий редактор, священник — практикующий экономист и так далее. И желательно, чтобы не вообще на всех журналистов России был один батюшка, а в каждом издательстве был свой.

Конечно, сложно представить себе священнослужителя, жадно собирающего с карандашом в руке светские сплетни, но вполне можно представить священника ректора или программиста.

Только таким образом, ежедневно, ежечасно сталкиваясь с людьми в рабочей обстановке, батюшка сможет вести эффективную миссионерскую работу, не пренебрегая лучшим вариантом проповеди — проповеди собственной жизнью. И общество начнет сообщаться с церковью не только по наводке мнительных секретарш, которым «один знакомый батюшка воду и крестик зарядил», а сольется-таки в единой симфонии.

Я бы определил этот класс проповедников казенным термином «погруженцы».

И они уже есть в армии.

Да, возразят, но армия это форс-мажорные обстоятельства!

Но я вас умоляю, отвечу, а где они не форс-мажорные!? Мир в ситуации перманентного форс-мажора.

Если мы не подумаем об этом, это сделают маги и кудесники, впрочем, что давно и происходит, судя по уже устоявшейся, к сожалению, моде на гороскопы.

Тут в издании, где я подрабатываю, на прошлой неделе забыли напечатать гороскоп. Редакцию завалили претензиями от подписчиков. Главный редактор приказал в следующем номере гороскоп обязательно напечатать. Стали звонить явно психически неуравновешенной женщине астрологу.

Я пробовал переубедить: мол, зачем звать эту «икотку»? Давайте я вам интересно православный календарь распишу.

Нет, сказали мне, читатель к православным календарям не привык, а к гороскопам привык.

Не привык и все!

Предвижу появление дотошного богослова, который найдет массу несоответствий в моих домислах с Апостольскими правилами. Ну так по правилам и в иереи до тридцати лет рукополагать нельзя, но ведь рукополагают. На усмотрение правящего архиерея.

Продолжать не буду.

Кажется, Антоний Великий назвал самой главной добродетелью монашествующих трезвость. Вот и мне сдается, что по нынешним временам нам не помешает из круга пусть духовных, но все-таки частно-эгоистических интересов выбраться в мир, как «обществу трезвости» для посильного служения Любви Христовой.

Простите меня, простите болтуна скудоумного и, что не простительно, наглого. Но мне деваться некуда — о своих близких пекуюсь. Помнится, был приказ.

*С любовью о Господе
Иван Охлобыстин.*